

КОТОВА Е. О.

ЛИНГВОТОКСИЧНЫЕ ЯВЛЕНИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ ВИРТУАЛЬНОГО ЖУРНАЛИСТСКОГО ДИСКУРСА (НА ПРИМЕРЕ ЖАНРА ЛОНГРИД)

Аннотация. В статье приводятся наиболее частотные лингвотоксичные элементы, встречающиеся в текстах лонгридов и оказывающие негативное влияние на ход коммуникации, которые были выявлены в ходе анализа текстов 52 лонгридов на русском языке. Выявляются лингвотоксические явления, представляющие явную угрозу для лингвоэкологичности виртуального журналистского дискурса.

Ключевые слова: виртуальная журналистика, лонгрид, журналистский дискурс, лингвоэкология, лингвоэкологичность, лингвотоксичность, лингвоэкологическая угроза.

KOTOVA E. O.

LINGUOTOXIC PHENOMENA IN ONLINE MEDIA DISCOURSE: A STUDY OF RUSSIAN LONGREADS

Abstract. The article presents the recurrent linguotoxic elements frequently used in longreads. These elements have a negative impact on communication. They were identified through the analysis of 52 Russian longreads. A conclusion is made about linguotoxic phenomena which constitute a clear threat to the linguoecological friendliness of online media discourse.

Keywords: online journalism, longread, media discourse, linguoecology, linguoecological friendliness, linguotoxicity, linguoecological threat.

Основной целью современных лингвоэкологических исследований является изучение способов взаимодействия между языком, языковой личностью и окружающей средой, а также факторов, оказывающих влияние на развитие языка, и последствий этого воздействия, что особенно актуально в рамках виртуальной массовой коммуникации.

К общим закономерностям, характерными для функционирования языка в среде электронной коммуникации и связанными с влиянием этой среды, можно причислить гипертекстуальность, присутствие в текстах черт письменной и устной речи, креализованность текстов, их жанровое и функциональное разнообразие и использование параграфемных средств.

Одной из важнейших характеристик журналистских текстов является лингвоэкологичность, «под которой понимается определенное состояние языковой (речевой) среды, характеризующееся особым образом взаимодействия ее элементов, реализуемыми ими коммуникативными стратегиями, открытостью намерений, ценностной ориентацией, нормативностью, обратно пропорциональной количеству и степени присутствующих в ней

лингвотоксичных элементов, а также иных элементов, представляющих угрозу для языковой среды» [10, с. 5–6]. Чем меньше в тексте лингвотоксичных элементов, а также иных элементов, представляющих угрозу для языковой среды, тем более лингвоэкологичным он является.

Рассмотрим наиболее частотные лингвотоксичные элементы, встречающиеся в текстах лонгридов, которые могут оказывать негативное влияние на ход коммуникации и приводить к коммуникативным сбоям и неудачам.

Исследование текстов 52 лонгридов на русском языке позволило выявить более 300 лингвотоксичных элементов, среди которых значительную часть составили обозначения, связанные с организацией коммуникации в Интернете и структурированием информационных потоков, программной составляющей, элементами субкультур, актуальными процессами виртуальной среды и пр. Приведем некоторые примеры подобных лингвотоксичных единиц из текстов русскоязычных лонгридов.

Значительную часть таких новообразований представляют собой существительные, среди которых широко представлены суффиксальные образования, обозначающие абстрактные явления, процессы и признаки (*оконсолевание, срубание, блогерство, дегенератство, совковость, виртуальность, экспертность и т.д.*). Часто употребляемые слова, превышающие обычную длину русского слова, подвергаются усечению (*графа (графика), сабы (субтитры), серв (сервер)*). Весьма активны и такие способы словообразования, как универбация (*сетевик, мультяшка, пустяшка, стронцианка, финка, грунтовка, упрощенка, первичка, наличка, многоэтажка, поисковик, силовик, походник*), аббревиация (*МФЦ, МРТ, МЦК, МВА ФФБ РАНХиГС, ФИО*) и сложение (*Минфин, физтех, стилист-имиджмейкер, аккаунт-менеджер, квартира-«трешка», арт-проект, дизайн-бюро, покемономания, многопиксельный, диджитал-агентство, онлайн-стратегия, сельхозземля, сталинобус, квартирография, медиаплан, рыбопромысел*). В словообразовании прилагательных наиболее активными оказываются префиксальный и суффиксальный способы (*антиспамерский, IGN-вский, онлайн-новый, оффлайн-новый, геймплейный, офтопный, прокремлевский, антироссийский, игиловский, евросоюзный, рок-н-рольный, рукобратский, кодаковский, фейсбучная, девелоперский, риелторский, мишленовский, додефолтный, френишизный, СМИшной*).

Производство глаголов также достаточно активно. Хотя большинство глаголов в интернет-коммуникации образуется по присущим кодифицированному языку стилистически нейтральным словообразовательным моделям, можно назвать некоторые закономерности их словообразования. Прежде всего, необходимо отметить активность освоения заимствованной лексики, которая становится производящей базой для глагольных новообразований,

образуемых посредством префиксации и суффиксации (*потроллить, погуглить, твитнуть, перепостить, ангрейдить, банить, геймить, френдить, кайфовать, хипповать*). Рассмотрим ряд примеров.

1. *К сайту прилагался интернет-магазин, но с очень ограниченным **функционалом**: урезанный ассортимент, маркетинговые акции на онлайн-товары не распространялись, у покупателей не было возможности воспользоваться скидками или бонусами* [5].

2. *Вот вам и первый плюс **бутикового** агентства: в большом агентстве с вашим проектом работают три-пять человек, а в маленьком... три-пять человек! Не было никакого урезания **функционала**, нехватки рук и мозгов. Мы просто продолжили работу с клиентом в том же составе*» [4].

В данных примерах использован безаффиксальный способ усечения основы: функциональность → функционал. Усечение основы достаточно широко используется в русском языке, однако этот способ является одним из наиболее лингвотоксичных в рамках текстов журналистского дискурса, так как он приводит к неоднозначности трактовок, что, по мнению психолингвистов, затрудняет процесс понимания текста адресатом. Так, понятие «функционал» может означать:

- 1) числовую функцию, заданную на векторном пространстве;
- 2) *комп. жарг.* набор функций, возможностей, предоставляемых компьютерной программой, библиотекой функций и т. п.;
- 3) *жарг.* перечень обязанностей, выполняемых работником.

В первом примере «функционал» соотносится с понятием из профессионального жаргона IT-специалистов, в то время как во втором оно обозначает круг обязанностей работника. Подобная омонимичность демонстрирует определенную ограниченность языка.

Также необходимо упомянуть о прилагательном «бутиковый», образованного суффиксальным способом, из второго примера. В данном контексте оно имеет значение «относящийся к небольшой коммерческой компании, предоставляющей клиентам индивидуальный сервис». Это значение не закреплено в словарях и не расшифровано в тексте лонгрида, а значит, от неподготовленного читателя потребуются усилия, чтобы адекватно понять информацию, предоставляемую компанией.

3. *Помните историю, когда американский военный корабль «Дональд Кук» (Donald Cook) проходил учения у берегов Черного моря, то над ним кружил истребитель Су-24 и вывел его приборы из строя. Так вот, это наша «**сушка**» летала над перепуганными тиндосами* [2].

Существительное «сушка» представляет собой военный жаргонизм, обозначающий модель самолета Су-24. Он омонимичен названию традиционного русского хлебобулочного

изделия и образован суффиксальным способом. Это преобразование объясняется тем, что в современном русском языке наблюдается движение от создания единиц, не похожих на обычные слова, к созданию аббревиатур, напоминающих слова далекой семантической сферы вплоть до полной омонимии.

4. *Мы ведь не только **сухпайки** возили, но и **БП** – боеприпасы значит* [2].

Обратную тенденцию можно увидеть в другом примере из того же лонгрида. «БП» объясняется в самом тексте как буквенная аббревиатура от существительного «боеприпас», которое, в свою очередь, представляет собой сложносокращенное слово, состоящее из начальной части первого слова и целого второго слова – «боевой припас». Употребленное тем же героем лонгрида сложносокращенное слово «сухпайки» («сухие пайки») позволяет предположить, что тенденция к аббревиации характерна для всего армейского сленга ввиду очень большого количества аббревиатур даже среди стилистически нейтральной профессиональной лексики. Кроме того, такое активное употребление аббревиатур может служить признаком неспособности или нежелания автора заменить данный способ речевого творчества использованием синонимов или различных других способов словообразования.

5. *Эту запись также **перепостили** многие пользователи (в том числе, публицист Егор Холмогоров)* [2].

В интернет-коммуникации обнаруживает высокую продуктивность тип отсубстантивных глаголов с суффиксом -и(ть), обозначающий разные виды отношения действия к предмету, названному производящей основой. Например, глагол постить образован от основы пост (от англ. post – «сообщение электронной почты») и имеет значение «публиковать сообщение», а в свою очередь прибавление приставки **пере-** со значением повтора действия образует глагол «перепостить» – разместить повторно пост (сообщение, заметку в интернете), обычно чужой с ссылкой на первоисточник.

6. *Тогда же появилось и понятие субаренды: когда снимавший **квартиру-"трешку"** мог одну из комнат переуступить, например, бедному студенту; а тот, в свою очередь, пускал к себе на ночлег сокурсника, сдавая ему в этой комнате "угол"*[3].

Существительное «квартира-«трешка» возникло путем сложения двух производящих слов, второе из которых представляет собой универбат, образованный с помощью интерфиксации. Основной сферой использования таких универбатов является разговорная речь.

7. *5-6 лет назад «стартапы» стали входить в моду, о них начали писать в СМИ, открылся центр Digital October на «Красном октябре», и **стартап-культура** из нишевой стала превращаться в массовую. **Стартап-движение** – это ответ на зарождающийся спрос на бизнес в сфере высоких технологий, которые вошли в сферу интересов инвесторов*

*и активно поддерживались государством. Стартаперами стали называться довольно молодые, продвинутые люди **интернет-культуры**, умевшие придумывать **бизнес-идеи**, связанные с технологиями, достаточно открытые и космополитичные [9].*

Таким образом, можно отметить, что техническая, информационная и коммуникативная специфика компьютерно-опосредованного дискурса обуславливает словообразовательные особенности исследуемых лингвотоксичных элементов в текстах лонгридов. Словообразование в исследуемых текстах выполняет номинативную, экспрессивную, конструктивную и компрессивную функции.

Что касается синтаксического уровня языка текстов жанра «лонгрид», то здесь мы можем отметить, что для лонгридов также характерны такие языковые проблемы, ставшие общими для других текстов электронной коммуникации, а именно: тенденция к демократизации языка (экспансия устной речи, усиление личностного начала); иноязычное давление; стилевая диффузность при преобладании просторечных и жаргонных средств выражения; замена графического кода пиктографическим; использование, наряду с кириллицей, латинской графики [1, с. 43].

Результаты проведенного анализа текстов жанра «лонгрид» показали, что явными лингвоэкологическими угрозами для виртуальной журналистики выступают:

- 1) чрезмерное употребление терминов, требующих от читателя специальных знаний;
- 2) использование разговорных форм и конструкций;
- 3) обилие сложных слов, аббревиатур и окказионализмов, требующих расшифровки автора текста;
- 4) активизация просторечных и жаргонных моделей словообразования;
- 5) рост числа универбатов;
- 6) злоупотребление сложными предложениями, переполненными различного типа придаточными;
- 7) стилевая диффузность текста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акимова Э. Н. Лингвоэкологическая интерпретация активных процессов в современном русском языке // Вестник Марийского государственного университета. – 2016. – № 3 (23). – С. 40–44.
2. Вежливые люди // Интернет-издание «Meduza» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://meduza.io/special/polite/who> (дата обращения 14.04.2020).

3. Дом для петербургской элиты: сегодня и сто лет назад // Интернет-газета «Фонтанка.Ру» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.fontanka.ru/longreads/luxury/> (дата обращения 14.04.2020).
4. Как мы выросли из большого агентства в маленькое [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vc.ru/29063-kak-my-vyrosli-iz-bolshogo-agentstva-v-malenkoe> (дата обращения 14.04.2020).
5. Как перенести успешные практики из офлайна в онлайн. Интеграция интернет-магазина с ERP и CRM // Блог «AniArt» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.aniart.com.ua/blog/detail/intertop/> (дата обращения 14.04.2020).
6. Калмыков А. А., Коханова Л. А. Интернет-журналистика. – М.: Юнити-Дана, 2005. – 384 с.
7. Максимова О. Б. Язык в интернет-коммуникации: общие закономерности и национально-культурные особенности (на материале русского и английского языков) // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2010. – № 3. – С. 74–90.
8. Молчанова Г. Г. Лингвоэкология и современное состояние языка // Вестник Мос. гос. обл. ун-та. Сер.: Лингвистика. – 2016. – № 2. – С. 47–54.
9. Поколение // Интернет-газета «Lenta.Ru» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://age.lenta.ru/generation/> (дата обращения 14.04.2020).
10. Потеряхина И. Н. Лингвоэкологические характеристики англоязычной виртуальной корпоративной коммуникации: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Пятигорск, 2015. – 185 с.